

131

О.Т. Хвилья

ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ,
Т.т. КАГАНОВИЧУ, ЕЖОВУ.

338

Контрреволюционер-троцкист Коцюбинский заявил в своих показаниях органам НКВД о том, что я, Андрей Хвилья, являюсь и являлся руководителем боевой террористической украинской фашистской организации и что он якобы установил со мной связь, как с "главой украинских националистов" на пленуме ЦК КП(б)У в октябре 1932 года.

Это утверждение Коцюбинского, как и последующие показания о моих связях с Бервицким, Полоцким, Епиком, Мазуренко и др. - является неслыханной по своей подлости клеветой врага.

1. Коцюбинский не мог иметь со мной беседы на пленуме ЦК КП(б)У 12 октября 1932 года (пленум длился один день), потому что я не только не был на пленуме, но не был в это время на территории Украины.

Решением Политбюро ЦК КП(б)У от 7 октября 1932 года (протокол за № 86) я был командирован как представитель КП(б)У на У1 с"езд польской коммунистической партии. С"езд польской компартии происходил вне пределов Украины, в двух сутках езды от Харькова. С"езд открылся 8 или 9 октября. Как видно из стенограммы с"езда, я выступил с приветствием от имени КП(б)У на третьем заседании с"езда (стенограмму моей речи на с"езде прилагаю и очень прошу ознакомиться с ней). На с"езде я пробыл не меньше 4-5 дней. С"езд был до числа 17-18 октября. Когда я вернулся в Харьков - никого из руководителей КП(б)У в Харькове не было. Все выехали на хлебозаготовки. Сам я застал дома командировку в группу Херсонских районов и немедленно выехал в Велико-Александровский район, около Херсона.

Отбыв в Велико-Александровский район, а потом переехав в Снегуровский район, я ни разу не выезжал в Харьков, а вернулся с хлебозаготовок только в конце января 1933 года.

Таким образом, заявление Коцюбинского о моей с ним договоренности на пленуме ЦК - 12 октября 1932 г. есть наглая клевета врага.

Как раз в октябре 1932 г., я выражая свое отношение к троцкистской банде и ее главарю Троцкому, в речи на съезде польской компартии говорил:

"Тов. Ленский, выступая вчера с большим докладом, развернул картину тех достижений и той перспективы, которая стоит перед польской коммунистической партией. Он говорил о том, что контр-революционеры - троцкисты в последнее время делают попытку свить себе гнездо в Польше, что контрреволюционеры-троцкисты стремятся к тому, чтобы там - на территории Польши, где пролетарии польские героически бьются против польского фашизма, чтобы там, вместе с польским фашизмом, вонзить в спину польского пролетария нож.

Тов. Ленский цитировал документы, из которых видно, что контрреволюционеры-троцкисты сейчас стали по сути агентурой польской дефензивы.

Ну, что-ж, есть такая русская поговорка: "Рыбак рыбака видит издалека", а у нас на Украине говорят: "Рука руку моет" Троцкий на службе польской дефензивы! Иначе быть не может, там ему и место. Польская буржуазия вместе с Троцким делает попытку разбить революционное движение в Польше. Но т. Ленский, выступая здесь, говорил еще одно, на что мы должны обратить особенное внимание. Он говорил о том, что в тот момент, когда контрреволюционный троцкизм стремится развернуть

свою работу на территории Польши, когда он хочет сорвать революционное движение в Польше, в этот момент правые элементы, воспитанные Варским и Костжевой, об"единяются и идут вместе с контрреволюционным троцкизмом, делают контрреволюционное дело. Поэтому коммунистическая партия Польши, как передовой отряд Коминтерна, должна разгромить до основания все попытки правых и троцкистов".

Так на с"езде братской компартии говорил я о Троцком, о троцкистах, о правых, считая своей священной обязанностью вооружать бойцов польского коммунистического подполья для борьбы против подлейших агентов фашизма - троцкистов, националистов, против правых.

Тов.Сталин! Я никогда в своей жизни не только не был троцкистом, но активно дрался с троцкистами на всех этапах борьбы против Троцкого.

В 1932 году, как и теперь, у меня не было и нет никаких оснований для каких бы то ни было шатаний, а тем паче для связи и сотрудничества с контрреволюционными троцкистами.

Вся моя работа на хлебозаготовках говорит о том, что я стоял на партийных позициях в борьбе с кулачеством. На хлебозаготовках я дрался как большевик за хлеб, против всех врагов партии.

Установив в Снегуровском районе, что партийная организация сильно засорена бывшими кулаками, петлюровцами, григорьевцами, неспособна бороться с кулацким саботажем - я поставил перед ЦК КП(б)У вопрос о чистке парторганизации Снегуровского района от вражеских элементов.

На основании всей моей информации, на основании моих предложений - Политбюро ЦК КП(б)У 18 ноября 1932г. приняло решение о чистке партийной организации в Снегуревском районе. Еще до объявления чистки я вскрыл правооппортунистическую, кулацкую практику работающего домена в Снегуревском районе уполномоченного ЦК - Касьяна и такую же практику местного суда и прокуратуры, которые в течение всей осени судили бедноту и покровительствовали кулацким элементам и расхитителям хлеба. Прокурор был снят и привлечен к ответственности: Есть мои письма в архивах ЦК, информация, есть живые свидетели моей работы.

Ряд лет, в том числе в 1932, 1933, 1934 годах, как уполномоченный ЦК КП(б)У активно работал во многих районах Украины за укрепление колхозного строя, на фронте хлебозаготовок. Хочу привести еще одну иллюстрацию, которая свидетельствует о моей борьбе против врагов партии. Осенью 1934г. я был командирован ЦК КП(б)У в Межевский район Днепропетровской области для того, чтобы обеспечить выполнение хлебозаготовок. Там же был уполномоченный Днепропетровского облпарткома - пред.Облплана Броун, разоблаченный в 1936 г. как троцкист. Он фактически срывал хлебозаготовки, давая директиву: "В первую очередь сеять, во вторую возить хлеб на элеваторы". Броун ездил за мной следом и отменял мои распоряжения, действия по хлебозаготовкам. Я поставил официально вопрос в ЦК КП(б)У, несмотря на активную защиту Броуна со стороны Днепропетровского обкома - Политбюро ЦК КП(б)У объявило Броуну строгий выговор с предупреждением. А в этом году он арестован как троцкист.

Тов.Сталин! За все годы самой напряженной борьбы за коллективизацию, против кулачества, я не только не получил от партии, от ЦК КП(б)У никакого упрека, но активно, как член ЦК КП(б)У на виду у всей партии боролся за линию партии против правых, троцкистов и националистов. У меня ни на йоту не было ни шатаний, ни сомнений в правильности линии партии и само собой разумеется, что я не мог вести никаких антипартийных разговоров с троцкистом Коцюбинским.

Тов.Сталин! Я даже не знаю как мне реагировать на заявление контрреволюционера Коцюбинского, что я якобы вел с ним переговоры, как "глава украинских националистов". Я не буду писать о том, что начиная с 1917г., с отрядов Красной гвардии, я с оружием в руках дрался против петлюровцев, центральной рады, директории. Но я, тов.Сталин, за последние 12 лет, без преувеличения могу сказать, находился на передовых позициях в борьбе с украинскими националистами всех мастей.

В 1925 г. я вел активную борьбу с Шумским, с его группой внутри партии, с его сторонниками в литературе - Хвильовым, Кулишем, Епиком, Яловым и другими.

Еще осенью 1925 года я информировал ЦК об антипартийной националистической работе Шумского.

В конце 1925 г. я написал книжку "Национальный вопрос на Украине". В этой книге я выступил против руководителей украинского национализма - Грушевского, Ефремова. Я решительно выступил против националистических концепций Солодуба.

В июне 1926 г. Солодуб выступил против меня с ответной статьей, в которой так писал об Украине:

"Конституция Союза на протяжении своего существования нарушалась не менее сотни раз со стороны правительства Союза, не меньше как пятьдесят раз эти нарушения опротестовывались Украиной. И это напоминает знаменитую историческую аналогию, когда Переяславский договор между Россией и Украиной последней выполнялся, а первой превращен был в ненужную бумажку".

В этой статье Солодуб характеризовал меня, как "вредного для Украины малоросса", и закончил статью такими злобными словами по моему адресу: "Думай и кайся сейчас, ибо хорошо ты поешь... а где то сядешь".

К этому же времени относится выступление Хвильевого с националистическими памфлетами. Я сразу же весной 1926 г. выступаю рядом статей в "Коммунисте" против Хвильевого. Начинается моя упорная борьба против националистической украинской литературной организации "Ваплите", во главе которой стали тогда Хвильевой, Кулиш, Яловой и Епик. Украинские националистические круги во главе с Шумским, Солодубом, Максимовичем - начинают травить меня как бешеную собаку. Хвильевой пишет большой памфлет "Украина или Малороссия", в котором половину места отводит невиданной по своей злобой травле по моему адресу. А Солодуб в это время, на июньском пленуме ЦК КП(б)У в 1926 г. в своем выступлении заявляет о том, что

"Хвилья продал себя за червонцы и поэтому выступает против Хвильевого".

Все это имеется в стенограммах пленума ЦК КП(б)У. Шумский

в многократных своих заявлениях, выступлениях говорит о мне, как о "изменнике Украины", а уезжая с Украины Шумский оставляет письменное заявление в ЦК, где снова пишет о "презренном малороссе Хвеле". Все эти националистические элементы ведут против меня бешеную травлю. В противовес шумскистской, националистической организации "Ваплите", я под руководством ЦК организовываю, собираю молодых украинских литераторов в организацию "Молодняк" и "Всеукраинский союз пролетарских писателей". Националистические круги распространяют по этому поводу ряд провокаций.

В конце 1926 года по моему докладу на Политбюро ЦК КП(б)У - из редакции литературного журнала "Червоний шлях" - снимают Шумского и его сподручного Ялового. Там же Скрыпник выступает против моих предложений.

В 1928 г. на литературном диспуте я выступаю против основных положений Скрыпника, в которых он поддерживал националистическую организацию "Ваплите". Стенограмма моего выступления есть. После этого диспута Скрыпник заявил: "или Хвеля должен уйти, или я уйду с работы".

Осенью 1927 г. на Политсекретариате, а потом Президиуме Коминтерна стоял вопрос об Украине, в связи с заявлением, поданным ЦК КП(б)У по поводу националистической работы шумкистов на Западной Украине. Там я вел беспощадную борьбу против розламовцев и был автором проекта резолюции по вопросу об Украине. Я считаю необходимым напомнить об этом, потому что с разу же после этого не только в розламовских изданиях, но и в остальных газетах украинского националистического лагеря появляются статьи, в которых националисты всячески

злобствуют по моему адресу. Можно указать на такие украинские фашистские издания, как "Дило" и "Литературно-научный вистник", выходящие во Львове.

В начале 1928 г. я помещаю ряд критических статей направленных против фашистского романа Хвильевого "Вальдшнепы". В моих статьях под общим заголовком "От уклона в пропасть" — показал, что Хвильевой является глашатаем украинского фашизма в украинской литературе.

Я хочу напомнить, что во всей борьбе против меня — Шумский, Хвильевой, Солодуб, Максимович, Епик, Кулиш, Досвитний и многие другие все время представляли меня как "презренного малоросса", который помогает Москве свести Украину к тому положению, чем она была во времена царизма, т.е. к положению Малороссии в царской России. Поэтому тут фигурирует "Переяславский договор", поэтому "Хвилья презренный малоросс".

Националистический лагерь в течении многих лет травит меня и распространяет всяческую клевету о мне. Ефремов называет меня в своем дневнике "шаманом". Шумский — "презренным малороссом", Донцов — "московским блюдолизом".

В Берлине и Варшаве украинские петлюровские эмигранты в своих статьях, книгах называют меня "ренегатом украинского народа", его палачем. В воззвании, опубликованном осенью этого года на Западной Украине — украинские фашисты, очевидно желая принести мне по своему фашистскому разумению "горе" — "перехрестили" меня с украинца на еврея и т.д. В этом же году известный украинский фашист Роман Смальстоцкий выступил с целой книгой против меня.

В начале марта 1929 г. Политбюро ЦК КП(б)У командировало меня и Скрышника, как представителей ЦК КП(б)У в Контрольную Комиссию Коминтерна для участия в рассмотрении дела Шумского, Максимовича. Стенограмма заседания этой комиссии имеется в Коминтерне. Из нее можно убедиться, как я боролся там против националистов - Шумского, Максимовича, разламовцев. Во время этого моего пребывания в Москве, ко мне в номер зашел П.Солодуб. Его разговор был по существу изложением программы украинских фашистов. Об этом разговоре я, прибыв в Харьков, информировал Политбюро ЦК КП(б)У на его заседании и кроме того, написал 20 марта 1929 г. заявление в ЦК КП(б)У.

Приведу выдержку из этого заявления:

"Ведь в действительности, говорил мне Солодуб, что представляет собой Украина на данном этапе своего развития? Имеет ли украинский народ свое государство? Не имеет! Представляет ли собой сейчас Украина какое бы то ни было политическое целое? Не представляет! Представляет ли Украина единое хозяйственное целое? Не представляет! Имеет ли Украина свой бюджет? Не имеет! Сейчас мол проводится на Украине и в нашем Союзе не ленинская национальная политика, не программа Ленина в национальном строительстве, а программа бунда еврейского, программа культурно-национальной автономии. И неужели никто этого не видит? Это же видно каждому, кто имеет на плечах голову и кто думает. Безусловно есть украинцы - члены партии, которые получивши те или иные официальные места, стали чиновниками и забывают о том, что в действительности делается на Украине. А тот, кто об этом думает, без боли не может видеть то, что делается на Украине. Ведь именем членов партии украинцев прикрываются на Украине для того, чтобы в

действительности проводить не ленинскую, а бундовскую национальную политику. Неужели ты этого не понимаешь? Неужели ты можешь стоять рядом с теми людьми, которые выбрали себе специальность душить все украинское?!"

Прибывши в Харьков я сразу информировал ЦК, а на имя тов. Косиора написал заявление, которое заканчивалось так:

"О своей поездке в Москву, о разговоре с Солодубом я информировал Вас, а потом и Политбюро ЦККП(б)У. Сообщая письменно о своем разговоре с Солодубом - я считаю, что партия должна действительно заинтересоваться его мыслями, изложенными в разговоре со мной и сделать из этого соответствующие выводы".

Когда осенью 1931 г. (сентябрь) ко мне пришел работник издательства "Советская школа" Черченко и заявил о том, что бывшие аспиранты украинского института красной профессуры - Шудрик и Короткий ведут с ним националистические контрреволюционные разговоры - я обязал Черченко о всем подробно написать и подать мне заявление. Это заявление я передал тов. Косиору. Впоследствии Шудрик и Короткий были арестованы органами НКВД, как контр-революционеры.

За эти годы не было ни одной националистической группы, с которой бы я не дрался, которая бы меня не травила. И вот, после всего этого, контрреволюционер Коцюбинский пытается подкинуть мне украинских контрреволюционеров-троцкистов, украинских националистов - Епика, Бервицкого, Полоцкого, Мазуренко.

ЕПИК - один из руководителей "Ваплите" - украинской националистической литературной организации, которая ставила

себе задачей повернуть развитие украинской культуры на буржуазные пути, поднять ее против Советской Москвы. Эту организацию я разгромил. Об этом известно каждому литератору Украины. Епик друг Хвильевого, Кулиша. С Епиком у меня шла долгие годы борьба. Епик ненавидел меня.

БЕРВИЦКИЙ - еще начиная с 1927г., совместно с закл^я-тым троцкистом Рохкиным - травил меня. Он написал специальное клеветническое заявление против моей книги об "Антисемитизме", он выступал с пеной у рта против меня в Институте марксизма. Выдвигал троцкиста Бервицкого, инструктировал его в борьбе против меня тогдашний Зав.Культпропом Харькова Ермолов - мой заклятый враг. Теперь он арестован. Я добился удаления с работы Бервицкого в Наркомпросе. Бервицкого снова начали продвигать только после того, когда во главе Культпропа стал Киллерог, арестованный теперь как троцкист. Кроме чувства гадливости и презрения - я никогда ничего иного не испытывал при упоминании фамилии Бервицкого.

ПОЛОЦКИЙ - о Полоцком могу только сказать, что я его рассматривал всегда как мелкого холуя Скрипника. Скрипник его тащил за собой, Скрипник его миловал.

Я всегда считал этого человека мелким и ничтожным, поэтому, кроме официальных служебных отношений - ничего общего с ним не имел.

МИКОЛА ЛЮБЧЕНКО - работал в редакции центрального органа КП(б)У "Коммунист" и с ним у меня если и бывали разговоры, то они имели прямое отношение к тем материалам, которые я часто помещал в названной газете.

ЧИЧКЕВИЧ - этот человек мне вообще не известен. Фамилию его я знаю, знаю, что он галичанин. Раза два видел его в Культпропе ЦК, куда он заходил по каким то программным вопросам.

МАЗУРЕНКО - я об этом человеке, не будучи с ним знаком лично, знал многое еще с 1919 года. Тогда он стоял во главе украинских бандитских отрядов и пытался захватить Киев. Я, как известно, с оружием в руках дрался против петлюровцев. Таким образом, этот человек в моем представлении всегда вырисовывался как известный петлюровский бандит Тютюнник. В 1924 г. я выступил со статьей, в которой характеризовал партию укапистов как контрреволюционную организацию и требовал ее немедленной ликвидации. Ряд тогдашних руководителей укапистов, в частности, Авдеенко, выражали мне свое возмущение и обещали отплатить мне. Очевидно, Мазуренко - один из "вожаков" укапистов, глубоко затаил злобу против меня. Встречался я с Мазуренко раз и то на конституционной комиссии в 1927 году, где он принимал участие как юрист. Больше этого нигде я с ним не встречался, ни о чем не разговаривал, так как всегда считал его случайным человеком в партии.

Я веду посильную работу во всех областях украинского искусства, литературы, не мало издал книг, опубликовал статей.

Я знаю, что эта моя работа вызывает бешеную злобу и зоологическую ненависть во вражеском лагере. Я считаю своей священной обязанностью, не жалея своей последней капли крови, - работать на процветание нашей великой социалистической родины.

Я непоколебимо верю в свою правоту, я слишком ненавижу и презираю врагов нашей партии и потому знаю, что правда восторжествует.

Я хочу обратить внимание на одну характерную черту в клеветнических приемах Коцюбинского. Чтобы поверили его клевете, он мне подбрасывает почти всех бывших боротьбистов и одного бывшего укаписта. Раз Хвеля бывший боротьбист, значит так легче поверят! А с другой стороны он знает, что среди многих бывших против меня существует наибольшее озлобление. Ибо я не отсиживался, не отлеживаюсь, я бесспощадно боролся, борюсь за дело партии против ее врагов. Враг Коцюбинский хочет руками моих врагов уничтожить меня, используя давно выпробованное подлейшее оружие - клевету.

Тов.Сталин! Я думаю, что не впаду в преувеличение, если скажу, что пожалуй на меня больше всех из украинцев - партийцев украинские националисты вылили ушатов помоев грязи, инсинуаций, называя меня "изменником", "ренегатом", "московским попыхачем", "кацапским прыплентачем", "шаманом", "презренным малороссом" и т.д.

Ну как же я, всю свою партийную жизнь (с 19 лет) дравшийся буквально со всеми отрядами украинских националистов, мог бы перейти на их позиции?!

Тов.Сталин! Я честно, добросовестно, преданно до конца нашей великой партии боролся и борюсь за победу коммунизма. Я заявляю Вам, как руководителю, как самому дорогому для меня человеку, что моя совесть чиста перед партией, перед ее Центральным Комитетом, перед Вами, товарищ Сталин!

А.А.ХВЕЛЯ.

10.XI.36г.

г.Киев.